

СМЕХ ЧЕСТНЫЙ И ГОРЬКИЙ

Tom Sharpe. *Blott on the Landscape*. London, Secker and Warburg, 1975.

Malcolm Bradbury. *The History Man*. London, Secker and Warburg, 1975.

В английской литературе несть числа произведениям, бичующим чванство и снобизм аристократов, продажность и тупую исполнительность чиновников, напыщенное суесловие отправляющих закон, вернее, беззаконие судей. Сразу приходят на ум имена гигантов британской и мировой литературы — Свифта и Теккерея, Диккенса и Шоу и многих других.

Однако пороки, с которыми великие так изобретательно и последовательно боролись, оказались трудностремимыми, ибо общественная среда продолжала их питать, и, пригвожденные к позорному столбу смехом, они возрождались и расцветали вновь. И каждому новому поколению английских сатириков приходится обращаться к традиционно знакомым темам и типажам, поскольку носители названных пороков чувствуют себя в современной Британии как рыба в воде и стремятся поставить на службу своим низменным целям и интересам даже достижения технического прогресса. Подобный аристократ-приспособленец действует в романе одного из наиболее злых и остроумных сатириков современной Англии Тома Шарпа «Пейзаж с Блоттом».

Сэр Джайлс Линчвуд, родовитый аристократ и депутат парламента, инспирирует постройку шоссе, проходящего непосредственно по тому самому месту, где стоит фамильный дом его супруги, леди Мод. Дело в том, что сэр Джайлс жаждет развода. Но по условиям брачного контракта он обязан в этом случае выплатить сто тысяч фунтов — как считает сэр Джайлс, «слишком высокая цена за свободу». Уничтожение дома позволяет ему надеяться, что, крепко насолив ненавистой супруге, он сможет в дальнейшем жить от нее отдельно. Со своей стороны, леди Мод надеется обвинить мужа в неверности и заполучить от него сумму, оговоренную в контракте. С этой целью она приказывает своему садовнику Блотту постоянно прослушивать все телефонные переговоры супруга...

В романе великое множество забавных и эксцентрических ситуаций и перипетий. Том Шарп поистине неистощим в своих издевках над вырождающейся британской аристократией, над потугами разбогатевших буржуа, получивших дворянство, выдавать себя за потомков родовитой знати.

Предки почтенной леди Мод были преуспевающими пивоварами и обрели желанный дворянский титул благодаря тому, что некий член королевской фамилии когда-то соблазнил хозяйку дома, приняв ее, правда, за служанку. С тех пор утекло немало пива, но мужским представителям этой славной семейки так и не удалось ничем про-

славиться, кроме стабильного и пагубного пристрастия к этому напитку. Папаша леди Мод, последний лорд Хэндимэн, был знаменит тем, что больше всего на свете страшился истощения земных ресурсов и страстно собирал всевозможные отходы и отбросы. «Ничто не должно пропасть зря», — учил он. В результате его деятельности огромные ямы с компостом породили гигантских мух, и ему пришлось остановиться. Разведение кроликов тоже кончилось плачевно — малышка Мод из жалости всех выпустила. Венцом блистательных начинаний лорда стала утиная ферма. «Вот уж с утками никакой беды не случится», — был он уверен. Но в один прекрасный день их лордство съели сырое утиное яйцо, снеженное в непосредственной близости от бывших хранилищ компоста, и умерли от отравления трупным ядом.

Ничем не лучше нуворишей Хэндимэнов и представитель старинной аристократической семьи сэр Джайлс, изощренный интриган и негодяй. Если на личном поприще ему незнакома удача, то запустить маховик громоздкой и тяжелой на подъем бюрократической машины ему удается на удивление быстро: стоит лишь поговорить по телефону и позавтракать с нужными людьми. С плохо скрытым сарказмом Шарп замечает: «В химическом процессе прогресса он исполняет роль катализатора». В силу своего положения и связей сэр Джайлс обладает ценнейшей информацией о том, какие компании увеличат выплату дивидендов, какие акции следует покупать, а какие продавать. И он делится этой информацией с теми, кто оказывает ему услуги.

Кроме сэра Джайлса и леди Мод в романе немало и других остросатирических типов: служащий муниципалитета Хоскинс, издонец и шантажист, старый судья лорд Лиххэм, просто не имеющий представления о том, какое дело он разбирает, и арестовывающий леди Мод за неуважение к суду. Этот неосторожный поступок влечет за собой драматические последствия — в округе начинаются волнения, серьезность которых немедленно преувеличивается прессой и телевидением. Кабинет министров в растерянности и панике. Премьер требует срочно послать толкового и расторопного чиновника, способного быстро уладить конфликт. Но английская государственная машина подчиняется своим особым законам (некоторые из них открыты небезызвестным С. Н. Паркинсоном): на место происшествия отправляется самый бездарный и бестолковый из всех — Дандридж, начальство так от него устало, что радо малейшей возможности от него отдохнуть. Дандридж являет собой тип чиновника, исполнительность которого доходит до абсурда: он старается каталогизировать и формализовать все окружающие его предметы, присвоить им номера и индексы. Он — автор разнообразнейших проектов усовершенствования транспортной схемы Лондона, но то, что они совершенно неприемлемы, никого не пугает, ибо Дандридж занимает в министерской иерархии такой высокий пост, что никакие

его идей уже не могут воплотиться в жизнь просто из-за нерадивости многочисленных подчиненных.

Особое место в книге занимает фигура садовника Блотта, происхождение которого даже для него самого покрыто мраком неизвестности. Во время второй мировой войны он попал в Англию в качестве военнопленного, хотя никакого участия в боях не принимал. Не имея ни родины, ни семьи, Блотт остался работать в доме лорда Хэндимэна, поскольку всегда был искренним и страстным поклонником англичан и их стиля жизни. В постоянных восторженных размышлениях Блотта о доблестной истории британской аристократии, в его увлечении книгами о Генрихе VIII, Дрейке, Кромвеле, Эдуарде I и т. д. нельзя не увидеть иронического подтекста. Уж слишком далеки сегодняшние британские аристократы от тех, кем так наивно восхищается Блотт, приписывая всем без исключения английским джентльменам вычитанные в исторических писаниях добродетели.

Однако именно Блотта, единственного из всех персонажей, Шарп наделяет чувствами. Этот человек, нечто среднее между модернизированным Фигаро и бравым солдатом Швейком, трогательно, тайно и безнадежно влюблен в уродливую толстуху леди Мод. Он беспрекословно выполняет любые ее приказы — вплоть до ожесточенного сопротивления регулярным частям британских командос, идущих на штурм дома, из которого леди Мод наотрез отказывается выехать.

Преданность Блотта вознаграждается сторицей. После гибели сэра Джайлса леди Мод выходит за Блотта замуж. Его тут же выбирают в парламент, идут разговоры о том, что ему вскоре предложат пост парламентского организатора партии, естественно, консервативной. Во всех своих речах и действиях Блотт оказывается более верным приверженцем британских традиций, нежели сами британцы. В головокружительной парламентской карьере безродного и безграмотного Блотта, казенный патриотизм которого сочетается с поразительным невежеством, нельзя не почувствовать едкой издевки над кризисом традиционного британского консерватизма.

Том Шарп написал злую и остроумную книгу. Но неужели в современной Англии нет каких-нибудь иных, не столь традиционных объектов для сатиры?

Второй стороной сатирической «медали» может послужить роман одного из наиболее пронизательных литературных критиков Англии и одновременно талантливого прозаика Малькольма Брэдбери «Исторический человек».

Персонажи Брэдбери — супружеская пара по фамилии Кирк — отличаются поразительным лицемерием. Казалось бы, какой порок менее оригинален для представителей британского высшего и среднего классов? Но неожиданность художественного решения, найденного Брэдбери, в том, что Кирки — «революционеры», те самые молодые западные лжерадикалы, вся «революци-

онность» которых сводится к трескучим фразам, склонности к выпивке, наркотикам и случайным связям. Пожалуй, лучше всего суть их «революционности» обнажается в реплике одной из героинь, произнесенной по поводу книги Кирка: «Я только не поняла, можно ли уже сегодня предаваться сексуальным извращениям или же следует дожидаться революции».

Говард Кирк, преподаватель социологии в одном из «молодых» университетов, автор двух нашумевших книг, многих статей по самым разным вопросам, регулярно выступающий по телевидению, известен в городе и как общественный деятель — «гроза эгоистичной буржуазии». Активистка ряда общественных организаций и его жена Барбара. Но эта внешняя сторона деятельности Кирков ничего не значит. Они, если воспользоваться выражением Т. С. Элиота, «полые люди», лишенные какого бы то ни было внутреннего содержания.

Все убеждения и действия Кирков диктуются обстоятельствами: «Когда бы вы ни навешали Кирков, у них всегда имелся новый сорт венского кофейного торта, который обязательно нужно было попробовать, и очередная петиция, которую было необходимо подписать». Их представление о борьбе за будущее общество сводится к следующему: каждое утро они просыпаются в надежде, что «за ночь возник новый мир, новый порядок». Но и в этих беспочвенных мечтах есть немалая доля лицемерия — никакой «новый мир» вовсе не нужен Киркам. Они великолепно чувствуют себя в том самом капиталистическом обществе, которое так яростно проклинают. Трезвая и вполне буржуазная сметка звучит в теоретическом постулате Говарда: «Если хочешь иметь нечто совершенно естественное и свободное, это следует тщательно спланировать».

Разоблачение Кирков достигается с помощью постоянного резкого контраста между тем, что они говорят наедине, на людях, и как поступают. В романе сюжет в строгом смысле отсутствует, повествование свободно уходит в прошлое, реконструируя предысторию Кирков, их происхождение. Они вышли из того, достаточно многочисленного в западном обществе, слоя, из которого буржуазия постоянно черпает своих неофитов, слепо стремящихся «наверх». Слой этот расположен на грани между мелкой буржуазией и рабочей аристократией.

В сущности, Кирки происходят из той же среды, что и «рассерженные молодые люди». Но они не «сердились» на то, что скромно, даже бедно жили в студенческие и аспирантские годы, а прилежно учились. Им было некогда протестовать — молча, сжав зубы, они карабкались «наверх».

Время высветило истинную цену протеста «рассерженных» — литературная и общественная эволюция самих писателей убедительней всего свидетельствует о том,

что молодым героям из мелких буржуа все-го-то и нужно было что «место наверху».

«Наверху» себе можно многое позволить. Пока Киркам приходилось считать каждое пенни, Говард любил пожонглировать словом «зрелость», сегодня он объясняет свое увлечение этим словом «аполитичностью пятидесятых». Теперь молодой профессор, чутко улавливающий веяния времени, хочет внести свою лепту в процесс культурных и моральных изменений в английском обществе. Он создает книгу, в которой доказывает, что традиционные понятия «мужчина» и «женщина» в современном мире утратили свой первоначальный смысл. При этом Говард именует свой опус «политическим», ибо он полон слов «освобождение» и «эмансипация». Барбара не без основания замечает, что эти новые слова-фетиши столь же пусты и безосновательны, сколь дорогое ему в прошлом слово «зрелость». Но книга, подводящая «теоретический» фундамент под «сексуальную революцию», естественно, имеет коммерческий успех, и трезвая и практичная Барбара примиряется со своим пронырой-мужем.

«Немножко Маркса, немножко Фрейда и чуть-чуть социальной истории» — таков нехитрый рецепт, позволяющий Говарду держаться на поверхности и не терять популярности среди студенческой массы, искренне верящей в близкую революцию. Навивные мальчишки и девчонки не видят, как разительно его слова расходятся с делом. «Недвижимость — воровство!» — провозглашает Говард и тут же приобретает за бесценнок огромный полуразрушенный дом,

в котором быстро устанавливается типично буржуазный порядок, нарушаемый разве что богемными вечеринками. Эти вечеринки и есть основное доказательство «революционности» Кирков. Такое откровенное приспособленчество свойственно далеко не одному Говарду: заместитель декана слышет среди консерваторов крайним радикалом, а среди радикалов — закоренелым консерватором.

Студенческие волнения, начавшиеся в «кампусе», смешны и безобидны, это всего лишь «игра в революцию», однако самолеты британских ВВС регулярно совершают полеты над «кампусом», словно для того, чтобы убедить, что он все еще находится в руках государства.

Зря беспокоятся военные — с такими «вождями», как Говард Кирк, молодым ничего не добиться. Окончательно раскрывается Говард в момент, когда один из студентов пытается ему робко возражать. Немедленно забыты все разговоры о терпимости, свободе и демократии. Кирк становится жестоким и авторитарным. Он преследует и травит беднягу студента, которому в конце концов приходится покинуть университет.

Роман Малькольма Брэдбери «Исторический человек» — книга честная и горькая о тех, кто, ловко жонглируя «левой» фразой, хочет примазаться к истории, — таков, полагаю, один из возможных смыслов названия. Автор трезво и остроумно показывает, что буржуа всегда останется буржуа, в какие бы ультрасовременные маски он ни рядился.

Г. АНДЖАПАРИДЗЕ